

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Мои любимые грехи»

Элизабет
Тейлор

Уникальная автобиография женщины-эпохи

Элизабет Тейлор

**Элизабет Тейлор. Жизнь,
рассказанная ею самой**

«Яуза»

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6-4

Тейлор Э.

Элизабет Тейлор. Жизнь, рассказанная ею самой / Э. Тейлор — «Яуза», — (Уникальная автобиография женщины-эпохи)

ISBN 978-5-9955-0446-7

Элизабет Тейлор начала писать эту книгу, узнав о трагической гибели Майкла Джексона, которого считала не просто другом, а приемным сыном и от которого у нее не было секретов: он остался ей лучшим собеседником даже после смерти, ему можно было рассказать все без утайки, выплакаться, поделиться радостью, вспомнить о былом, поведать самые сокровенные женские тайны — ведь «с годами начинаешь сожалеть не столько о совершенных грехах, сколько о тех, что не совершила...». Все в жизни Элизабет Тейлор было СВЕРХ — звездная карьера с четырех лет, всемирная слава «Королевы Голливуда», «новой Клеопатры», первой красавицы эпохи с колдовскими (одни на миллиард!) фиалковыми глазами, три «Оскара», восемь браков (два из них с Ричардом Бартоном), первый в Голливуде контракт на миллион долларов, самая дорогая (продана за 200 миллионов) коллекция бриллиантов... А еще — более 30 серьезных операций, перелом позвоночника, инфаркт, рак кожи, опухоль мозга размером с теннисный мяч, алкоголь и наркотики. «Я прекрасный пример того, через что может пройти женщина и при этом остаться в живых», — признается Элизабет Тейлор в своей сенсационной книге, где предельно откровенно рассказала обо всех страстях и грехах, горестях и радостях, ролях и мужьях и которую посвятила «Памяти моего сына Майкла Джексона». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)6-4

ISBN 978-5-9955-0446-7

© Тейлор Э.

© Яуза

Содержание

Без Майкла...	8
Хочу стать звездой кино!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Элизабет Тейлор
Элизабет Тейлор. Жизнь,
рассказанная ею самой

ПАМЯТИ МОЕГО СЫНА МАЙКЛА ДЖЕКSONA

© Павлицева Н., перевод с англ., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

* * *

Без Майкла...

Этого не может быть!

Этого просто не могло быть, но это случилось!

Майкла Джексона нет... Нет Майкла!..

Первые дни я не могла ни о чем думать, была только боль, всепоглощающая душевная и сердечная боль. Этого просто не могло быть, но это случилось... Я, пожилая, больная женщина, настоящая развалина, у которой нет здоровой клеточки, жива, а безумно талантливый, еще молодой мужчина умер!

Я похоронила столько людей, которых любила, что начинаю чувствовать себя просто старой черепахой. Большой... океанской... медлительной во всем...

Меня снова «привели в порядок», хотя на сей раз слова врача не соответствовали действительности. Привыкший к обезболивающим организм больше не желал им подчиняться. Но если с физической болью за много-много лет я уже свыклась, то боль душевная, которую не заглушить никакими анальгетиками, была столь сильной, что не давала дышать.

К руке подключена капельница, у лица висит (на всякий случай!) кислородная маска, мигают экраны разных мониторов, показывая, что я еще жива... Да, я жива! Я жива, а ты умер...

Майкл, ты любил шуточки, но это дурацкая шутка, правда, дурацкая. Осиротить столько людей сразу! Самое гадкое – ничего не исправишь, никакая ругань не поможет. Не могу себе представить, что тебя больше нет, не могу...

Майкл, я сегодня вспоминала твое первое Рождество. Помнишь? Я просто ужаснулась, когда узнала, что родители никогда не устраивали вам в детстве Рождество, не клали подарки под елку, не предлагали загадать желание для Санта-Клауса. У Свидетелей Иеговы это не положено. Нелепо! Я не буду осуждать чужие верования, но для меня Рождество – это даже не религиозный праздник, а праздник надежды. Рождество и день рождения – что может быть для ребенка лучше? Как можно лишать детей надежды, что в эту волшебную ночь сбудется заветное желание?!

Помнишь, когда ты уже перестал быть Свидетелем Иеговы, я твердо заявила, что теперь никто не может помешать праздновать Рождество. Мы с помощниками ночью нарядили для тебя елку, натолкали под нее кучу подарков и всюду развешали гирлянды с огнями. Помнишь? Ты помнишь, какие подарки были под елкой? Должен помнить – множество водяных пистолетов! Я знала о твоей страсти к этой игре в «обливалки» с водяными пистолетами, воздушными шариками, наполненными водой, и даже ведрами воды.

Под елкой лежали пистолеты и автоматы для целой команды, чтобы было весело. И ведь было!

А подарок в виде слона? Что можно подарить человеку, у которого есть все? Все, да не все, в твоем зоопарке слона не было, а благодаря мне появился! Ларри Фортенски недоумевал: – Это же обуза! Слона надо кормить и обслуживать.

Что взять с Ларри? Он живет по правилам, считая, что слонам не место на частных ранчо. С ним оказалось скучно...

Майкл, как же мне тебя не хватает!.. С тобой мы бы посмеялись над такой «заботливостью» моего неудачного седьмого супруга.

Слона я подарила в ответ на твой подарок к моему дню рождения. Ты, как всегда, оказался выдумщиком. Помнишь?

Я не устраивала пир на весь мир, были только близкие, а потому дурачиться не возбранилось.

Твои руки непривычно пусты. Когда это Майкл приходил в гости, тем более на день рождения, без подарка?

Ну как тут не подурчиться? Я схватилась за сердце:

– Майкл, где мой подарок?!

Ты развел руками, загадочно улыбаясь. Но играть, так играть.

– Как, ты не принес мне никакую побрякушку?! Неужели ты не заметил множество ювелирных магазинов по пути?! О! Ты не мог так поступить со мной!.. – Я заламывала руки, словно показывая пародию на плохой театральный спектакль.

Вы с помощником исчезли на некоторое время, а потом вернулись. Красивая коробка, но явно великовата для какого-нибудь ожерелья или колечка. Какая женщина устоит? Я с любопытством разворачивала оберточную бумагу.

В коробке изящная сумочка из титана в виде слона, седло у которого украшено драгоценными камнями, а ручка у сумочки – янтарные бусы. Очаровательно, вполне достойно подарка Майкла Джексона!

Но дома меня ждал еще один сюрприз – огромный телевизор, такой большой, в половину стены. Я поняла, что это и есть твой настоящий подарок, потому ты загадочно улыбался. Ой, как было стыдно!.. Тогда и возникла идея подарить в ответ живого слона на радость тебе и детям. Получилось, слон стал любимцем в твоём зоопарке.

Кажется, лишь вчера ты выступал подружкой невесты у Лайзы Минелли... Помнишь, Майкл? Заметив, что женщины замешкались, а шлейф подвенечного платья Лайзы уже ползет по проходу в церкви, и на него легко могут наступить, ты подхватил ткань и важно нес этот шлейф большую часть пути невесты к алтарю. Мартина МакКатчен опомнилась не скоро, а потом еще и долго не решалась отнять у тебя «добычу»! Лайза потом хохотала, что такой «подружки», как у нее, не было еще ни у кого в мире!

Хорош шафер, без тебя Лайза точно осталась бы без платья. Думаю, большинство гостей не возражали, но сама невеста гордилась своим нарядом, как и всей роскошной церемонией. Тогда казалось, что это самая крепкая и счастливая пара в мире.

Если честно, то несчастной была только я, особенно когда увидела фотографии. Конечно, пришлось промолчать, чтобы не подсказывать остальным повод для сожаления, но я выглядела настоящей бабулей! Майкл, как я «сдала» за десять лет, прошедшие со времени собственной свадьбы с Ларри, где ты был моим посаженным отцом!.. Знаешь, какая это трагедия для женщины – понять, что ты состарилась и больше похожа на собственную бабушку, чем на себя саму.

Но не будем о грустном, ни к чему тебе мои проблемы старения...

Майкл, у нас было столько веселых минут, ты так добр ко всем, а ко мне особенно (добрее только к детям), ты такой замечательный, что я просто не могу помыслить, что не услышу твой голос в трубке, твой смех – тихий и загадочный, не увижу твою всегда чуть смущенную улыбку. Никто так не умеет делать подарки, дело не в стоимости, хотя они всегда дорогие, вся прелесть в том, что ты умеешь точно угадать, что человеку хочется.

Майкл, я схожу с ума – разговариваю с тобой, словно ты сидишь в кресле напротив и тихонько хихикаешь, слушая мои рассуждения. В последние годы мы редко общались, я болела (а когда было не так?), ты предпочитал жить подальше от Лос-Анджелеса, но я привыкла слышать твой тихий голос в трубке и не представляю, как смогу жить без этого. Иногда хочется закричать на весь Беверли-Хиллз: «Не-е-ет!!!» Думаю, не мне одной.

Знаешь, я обиделась на тебя всего лишь раз. Ты должен помнить тот случай. Помнишь? Чтобы выманить меня на Нью-Йоркский концерт в Мэдисон-Сквер-Гарден в честь тридцатилетия Джексонов в сентябре 2001 года, ты прислал в качестве приманки прелестное бриллиантовое кольцо, «забыв» упомянуть, что оно взято напрокат. Ничего страшного, я спокойно вернула бы кольцо, поскольку и сама часто брала драгоценности напрокат. И на концерт поехала не из-за побрякушки, а потому что поняла: для тебя много значит мое присутствие, если уж ты позаботился о том, что будет блестеть на моей шее.

Когда позже от меня потребовали вернуть кольцо, я обомлела. Оно не столь дорогое, каких-то 200 000 долларов, я вполне могла купить его себе или спокойно вернуть. Но то, как это было сделано, повергло в шок. Я прорыдала целый день! Майкл, ты мог бы позвонить сам и сказать:

– Элизабет, верни игрушку дядям, я взял ее для показухи.

Мог? Я бы не обиделась. Но мне позвонили твои помощники, причем не самые близкие, и не объяснили ситуацию, а почти ультимативно потребовали вернуть, словно я, воспользовавшись неразберихой, царившей после страшного 11 сентября, тайком увезла кольцо в Беверли-Хиллз! Пока мы тащились через всю страну с Марлоном Брандо, ты мог хотя бы в шутку поплакать, что денежки за эти побрякушки еще не выплачены?

Я знаю, что ты надеялся заплатить сам, чтобы не вешать эту сумму на меня, но у тебя не получилось. Вот на это я и обиделась – ты не поделился проблемой, а скрыл ее от меня. С друзьями так не поступают. Ты же не думаешь, что я люблю тебя за подарки?

Конечно, я простила дрянного мальчишку, но не сразу. Кто надоумил тебя написать покаянное письмо? Неужели сам догадался? Врешь, если бы не Лайза с ее алым подвенечным платьем и желанием с шиком отметить годовщину свадьбы, черта с два ты бы каялся перед старухой Элизабет. Что я для тебя?

Запомни, мой милый, я тебе самый верный друг! А не на всех судебных заседаниях была по двум причинам: во-первых, как всегда, болячки и госпитализация, во-вторых, меня опасно пускать туда, я просто выщарапала бы глаза клеветникам, и тогда тебе пришлось бы сесть в тюрьму за компанию со мной, чтобы наши камеры были по соседству. Не осложнять же жизнь охране тюрьмы (им пришлось бы три раза в день выгуливать моих собачек, без которых я даже в тюрьму не согласна! и терпеть мои капризы), я не стала устраивать побоище в зале суда и показную истерику «Королевы Голливуда» тоже. Меня убедили просто сделать хлесткие заявления в прессе, как и в 1993 году.

Знаешь, я не уверена, что поступила правильно, может, все-таки следовало, как в интервью с Опррой Уинфри, шумно вмешаться? Но что было, то было, сделанного не вернуть.

Кроме того, я для прессы – ярая защитница геев, потому мое более активное заступничество могло навредить тебе.

Воспоминания привели к новому сердечному приступу, и я вынуждена была дать слово врачам, что не буду больше плакать, хотя, когда сказала, о чем, вернее, о ком плач, на глазах у медсестры тоже появились слезы, которые пришлось тайком смахивать.

Но действительно стараюсь не плакать, слезами Майкла не вернешь, а в моей (и не только в моей) душе он живой, просто уехал куда-то, где очень плохая связь. Вот наладится связь, и он позвонит.

Я понимаю, что это не так, что ни ты, ни Монти Клифт, ни этот толстяк Брандо, ни мой Ричард Бартон уже не позвоните, что вы оставили меня на Земле пока еще мучиться. Знаешь, это страшно, но у меня впервые мелькнуло понимание, что я не хочу выкарабкиваться. Зачем? Дети давно выросли, у них своя жизнь, выросли даже внуки! Я не очень радуюсь, когда навещает кто-то из прежних подруг, они все выглядят куда лучше меня (хотя раньше мне и в подметки не годились!), а у старых приятелей слишком вытягивается лицо и в глазах мелькает

сожаление при виде того, в какую развалину я превратилась. Потом, конечно, следуют комплименты: «Лиз, ты все хорошеешь! Время над тобой не властно!» Хочется спросить:

– Где вы видите Лиз? Здесь только старая больная Элизабет Тейлор. Но я еще жива!

Да, жива, хотя, если честно, не очень. Но тебе я могу в этом признаться, ты не болтун и никогда меня не выдавал.

Майкл, это помешательство – беседовать самой с собой?

Чем больше я размышляю, тем больше понимаю, что мы похожи, просто твой путь был более интенсивным, а потому коротким. А еще ты не научился выживать. Я не один раз бывала в состоянии клинической смерти, либо когда мне не гарантировали и нескольких дней, даже делала попытку суицида, но вот до сих пор жива. Может, просто женщины более живучие? Или более живучая я сама?

Как бы то ни было, я есть на этом свете, а тебя нет.

Почему родилась наша дружба? Станный вопрос, разве не могут просто дружить мужчина и женщина, даже если их разделяют четверть века возраста?

Даже умница Опра во время интервью не удержалась и спросила, сделал ли Майкл предложение Элизабет Тейлор? Почему предложение, почему обязательно нужно идти под венец или становиться любовниками, если люди близки духовно? Именно духовно, это даже больше, чем душевно.

Почему Майкл? Я уже не раз отвечала на этот вопрос, могу сотню раз повторить. Мы похожи, очень похожи. Чем? У нас просто не было детства, наше детство – работа, причем Майкл не видел даже того, что успела увидеть в детстве я, меня хотя бы до девяти лет растили как нормального ребенка, а он уже с пяти выступал.

О нас обоих говорили, что мы слишком взрослые, дети телом и взрослые душой и умом. Наверное, поэтому, получив все, что только можно пожелать, мы снова впали в детство каждый по-своему. Банальная, всем известная истина, но это так.

Карусели Неверленда сродни моей коллекции драгоценностей, для меня это тоже игрушки. Став взрослыми, мы пытались наверстать то, что пропустили в детстве.

Размышляя над нашим сходством и различиями, над причиной странной для многих дружбы, я невольно переосмыслила и свою жизнь тоже. Всегда не хватало времени, чтобы над ней задуматься. Мама бы сказала иначе: «Стареешь». Неужели это и впрямь признак старости?

Ничего подобного, у меня еще многое впереди! Недавно услышала фразу, что только на краю пропасти человек понимает, что не все хорошее может быть впереди... Это не про меня.

Впервые за последние годы я встретила человека, который понял меня и которому я не буду помехой – Джейсона Уинтерса. Вернее, встретились мы давно, Джейсон мой старинный поклонник и уже многолетний друг. Опра Уинфри зря переживала из-за возможности нашей с Майклом свадьбы, мы похожи, но Майкл скорее мой сын, приемный сын, в качестве мужа я его никогда не представляла. Муж это совсем другое. И любовник тоже. Нет, Майкл – это Друг, именно так, с большой буквы.

И Джейсон тоже друг (кстати, он моложе Майкла), но совсем иной. Майкл мой друг оттуда, из детства, хотя годится мне в сыновья, он словно олицетворяет одну половину меня, а Джейсон – другую. С Джейсоном спокойно и надежно, в качестве любовницы я уже никуда не гожусь, что за любовница в ортопедическом кресле, но побеседовать со мной еще вполне можно. И капризов тоже не занимать.

Зачем я Джейсону? О, бог мой! Уже вылиты несколько цистерн помоев, огромных таких, какие бывают в боевиках, с утверждениями, что Уинтерс охотится за моими миллионами. Идиоты! Он купил мне дом на Гаити (классное местечко!) и предложил в брачном договоре отказаться от любой моей собственности, кроме мелких безделушек, которые я подарю на

память. А еще он смеялся, что я его переживу и смогу произнести речь на его могиле. Это было жестоко, пришлось кинуть в него тем, что подвернулось под руку, разбила хорошенькую статуэтку и вазу, в которую ею попала.

– Джейсон, в следующий раз стой на месте, а не уворачивайся, чтобы не пришлось собирать осколки ваз!

– В следующий раз я встану сзади, чтобы у тебя не было возможности кинуть.

Майкл, как ты думаешь, мы уживемся с таким человеком? Мне почему-то кажется, что да.

А еще... я раскрою тебе секрет, который пока знает только Уинтерс (узнал нечаянно): я пишу записки, да-да, вот эти самые. Пишу и прячу. Уинтерс сказал, что, когда мы вернемся домой, написанное будет лежать в сейфе, и никто ничего не узнает, он проследит. Джейсону можно верить, я ему верю.

Зачем пишу? Просто надо выговорить, чтобы не держать свою боль внутри, она разрывает сердце. Если я вдруг начну твердить все это вслух, отправят даже не в клинику к Бетти Форд, а куда похуже.

Во-вторых, я вдруг осознала, что моя жизнь тоже не вечна. Смешно, ты смеешься, Майкл? Понять, что жизнь не вечна развалине, у которой от макушки до пяточек не найти неоперированного клочка тела? Да, представь себе! Я всегда считала свои смертельные болезни недоразумением природы, а сейчас вдруг поняла, что эти недоразумения все же способны свести меня в могилу.

Это к чему? К тому, что мне пора немного задуматься, как жила и подвести кое-какие итоги.

Я не жалею, даже на тело, которое просто сводит с ума своей хрупкостью и живучестью одновременно. Я не жалею на жизнь, хотя и она меня обижала. Я была счастлива, несмотря ни на что, я люблю эту жизнь, даже находясь на больничной кровати или в ортопедическом кресле, даже под капельницей или на операционном столе со вскрытым черепом (бывало и такое), я все равно люблю ее и желала бы продлить как можно дольше!

Я хрупкая ваза? Мне ничего нельзя (даже моих любимых жареных цыпляток есть запретили!)? Значит, будем продолжать жизнь лежа. Кстати, я неплохо смотрюсь в ортопедическом кресле и в постели тоже! Я живучая, я немыслимо живучая.

Знаешь, пришла страшная мысль, что стоит вспомнить всю мою жизнь, и она внезапно закончится. Но даже если это так, я готова снова пережить радости и печали, счастье и горе, у меня было столько хорошего, что оно перевесит. И я все равно не собираюсь умирать, не дождетесь! Хорошо, что у меня хорошие дети и не сидят в соседней комнате в ожидании, когда я окочурюсь, чтобы поделить наследство. Они против только одного: чтобы меня похоронили рядом с Бартоном в Уэльсе. Правда, и Бартон похоронен совсем не там, его противная вдова не выполнила последнюю волю Ричарда (и будет за то проклята, во всяком случае, мной!).

Знаешь, Майкл, а может, рядом с тобой? Правильно, ты же позволишь мне улечься рядышком? Я буду вести себя прилично, а охрана кладбища станет по ночам сидеть, клацая зубами от страха и слушая нашу болтовню, вернее, твои тихие смешки и мой откровенный хохот. Представляю такую картину! Решено, если не разрешат рядом с Ричардом, улягусь рядом с тобой. Извини, если это произойдет не скоро, я не тороплюсь. Ты же знаешь, я способна опоздать даже на собственные похороны (это идея – завещать, чтобы гроб с моим телом доставили на церемонию с опозданием!).

Ох, Майкл, шутки со смертью плохи и неприличны, но что еще остается старой женщине, похоронившей столько любимых людей? Придет и мой черед, все там будем, еще никто на Земле этого не избежал, во всяком случае, я с такими не знакома. Может, стать первой? Нет, вечность – это, пожалуй, скучно, но с десяток лет (а потом еще десяток и еще...) я согласна помучиться.

Пришел Уинтерс и сообщил, что можно ехать домой. Надолго ли? В госпитале за мной даже закрепили любимую палату...

Жизнь продолжается, пусть и в ортопедическом кресле!

Даже в нем есть свои плюсы – никто не сможет потребовать: «Принеси то, принеси это!» Что я вру? От меня такого никто не требовал. Это все кокетство, хотя кокетство для старой развалины, наверное, непозволительно? Плевать! Я не старая (всего-то... а вот не скажу сколько, мне всегда мало лет!) и не развалина (у меня столько послеоперационных швов, что они просто не дадут развалиться моему телу!).

Хочу стать звездой кино!

Меня часто упрекали в подверженности звездной болезни, и хотя мне вообще-то плевать на любые обвинения, могу подтвердить: да, болела, болею и буду болеть! А почему бы звезде и не поболеть звездной болезнью, тем более это единственная приятная болезнь, которая у меня имеется. Она куда лучше геморроя, по себе знаю.

Когда заболела? В детстве, когда стала звездой. Если это кому-то и доставляло неприятности, то прежде всего тем, кто меня звездой сделал, то есть студии «Метро-Голдвин-Майер» – знаменитой MGM. Что ж, что посеяли, то и пожали.

Джуди Гарленд, мать Лайзы Минелли, как-то сказала, что она родилась в двенадцать лет на пробах MGM. Могу повторить эти слова о себе, поскольку тоже родилась в павильонах студии, а до того была просто девочкой, каких миллионы.

Когда я говорю, что не помню себя незнаменитой, то, конечно, лукавлю. Помню и хорошо помню. По-настоящему знаменитой я стала после роли Велвет – девочки, мечтавшей сначала о выигрыше лошади в лотерею, а потом о победе вместе с ней на скачках и воплотившей свою мечту.

Да, после фильма меня стали узнавать на улицах, даже просить автограф, но до этого я играла в фильмах «Каждую минуту рождается человек», «Леси, вернись домой», а моего имени даже не было в титрах. И хотя этот период не был долгим, он все же был.

Я была слишком мала, чтобы понимать весь трагизм ситуации, когда со мной не продлили контракт, не сознавая, что для семьи очень важен мой пусть и небольшой заработок, просто видела, что мама сильно расстроилась.

Элизабет Тейлор создала моя мама, которой я безумно благодарна за все. Конечно, она действовала прежде всего из собственных амбиций, но без ее заботы, ежедневной, ежеминутной опеки во всем не было бы той самой Лиз. Существует такая семейная легенда (у мамы их великое множество, иногда она и сама не понимает, где реальная жизнь, а где созданные ею легенды): когда я родилась, маме сказали, что у меня мутация. Это звучало страшно, ведь мутации бывают ужасными.

– Какая?

– Ресницы растут в два ряда...

Это действительно так, я не подсаживала дополнительный ряд ресниц, не приклеивала их, мои реснички просто от природы в два раза гуще обычного.

Правда, у новорожденной активно росли не только реснички, но и вообще волосы на голове, в том числе там, где им быть не полагалось, например... в ушках! Мама рассказывала всем, что, увидев меня... излишне волосатенькой... усердно молилась, и благодаря этим молитвам дефект превратился в достоинство. Я не спрашивала, правда ли это, какая разница? Мама сама верила в свои рассказы, так ей было легче.

Не знаю, сколько часов молитв понадобилось маме, чтобы уродство не стало моей судьбой. Слава богу, ушастой я не осталась, а вот проблемы с черными усиками на верхней губе мучили все время, за роскошные ресницы пришлось платить усатостью, которая усилилась после операции гистерэктомии. И брови не наклеены, они тоже в два раза гуще сами по себе, я только придавала форму.

Но можно быть сколь угодно красивой девочкой даже в павильонах Голливуда, там красивых пруд пруди, и не быть при этом никем. Чтобы тебя заметили, нужно попасть на глаза всемогущим боссам, а чтобы сделали звездой – и вовсе либо безумное везение, либо такие же усилия.

Как-то Мэрилин Монро сказала, что она была самой послушной лошадкой в конюшне Голливуда. Я была таковой у своей мамы. Сколько насмешливых слов могла прочитать мама о

себе! Мол, не сумев добиться и малейшего успеха на театральном поприще сама, она решила протолкнуть вперед дочь. Наверное, так и есть, но стоит вспомнить, что американка в Англии с мужем и двумя детьми едва ли могла рассчитывать на национальное признание. И прекрасно, что она не опустила руки, не запила, не стала упрекать мужа в невезении, а себя в неосмотрительности, мол, не за того замуж вышла, не сникла сама, она посвятила себя моему воспитанию, вернее, созданию из меня звезды.

Мама придумала мою жизнь до Голливуда, и я не стану ничего исправлять в ее выдумках. Зачем? Какая разница, училась ли я балетным па вместе с принцессами Маргарет и Елизаветой, осваивала ли конную выездку с четырех лет, бывала или нет на детских праздниках вместе с будущей королевой?..

Ну, не училась, не ездила, не бывала... это что-то меняет?

Мама научила меня многому, дело не в умении делать реверансы и умильно улыбаться, нет. Она научила меня всегда, каждый день, каждый миг своей жизни выглядеть ухоженной. Симпатичной и даже красивой быть мало, если ты не выглядишь с иголки постоянно, ты не сможешь быть королевой. Красавица София Лорен стала настоящей королевой только тогда, когда осознала, что даже растрепанность в прическе должна быть тонко организована.

У меня не было мятых платьев, пятен на них или нечищенных туфель, волосы всегда тщательно вымыты и завиты (мама каждый вечер накручивала их на папильотки), бровям придана идеальная форма... Она не желала, чтобы я выглядела сорванцом или девочкой из неблагополучной семьи, напротив, я должна быть маленькой принцессой, столь же хорошенькой, сколь и добропорядочной.

Когда Голливуду понадобилась вот такая идеальная барышня и такая легенда, я оказалась очень кстати. У каждой звездочки на студии было свое амплуа, кто-то обязан выглядеть сорванцом с соседней улицы, кто-то строгим будущим «синим чулком», а я чистенькой, ухоженной, благовоспитанной барышней.

В Голливуде я начала свою карьеру на студии «Универсал», это был мамин выбор – удача и ошибка одновременно. Но ошибка не мамина, а студийная. Вот пример, как нужно играть только то, что тебе по душе. Я была исключительно маминой дочкой, как мальчишки бывают папенькиными сыночками.

Первая роль в фильме «Каждую минуту рождается человек» оказалась явно не моей – требовалось изобразить отъявленную хулиганку, дурно воспитанную и неряшливую. Почему-то мама не поинтересовалась самой ролью, ее заботило только то, чтобы дочь (а вместе со мной и она сама) попала на аллею Голливуда. Так получилось, что предложения поступили сразу от двух студий – «Универсал» и «Метро-Голдвин-Майер». Я очень хотела в MGM, потому что там снимались всеобщие кумиры Кларк Гейбл, Грета Гарбо, Кэтрин Хепберн... Оказаться в одних с ними павильонах!..

Но мама рассудила иначе, она попыталась шантажировать обе студии, заявив там и там, что соперники предложили мне контракт на сто долларов в неделю. Майер послал нас подальше, а вот «Универсал», в то время куда более слабая компания, согласилась дать больше. Мама решила, что начинать рядом со звездами не стоит, лучше пусть пригласят сами, когда я уже проявлю себя, и отвела меня на «Универсал».

Все, что я, вернее мама, выиграла – годовой контракт, позволивший нам снимать квартиру на окраине Беверли-Хиллз. Роль не удалась, поскольку не подходила мне совсем, в конце года контракт просто не продлили, что привело маму в ужас!

Но Сара Тейлор не была бы сама собой, если бы опустила руки. Не унывать ни в какой ситуации я научилась тоже у мамы. Она предпринимала немыслимые усилия, чтобы познакомиться с любым, кто хоть как-то вхож в заветные двери Голливуда. Удалось. Знакомство было

примечательным, пожалуй, куда важнее для меня, чем просто помощь в получении очередной роли.

Познакомившись с Хеддой Хоппер, я воочию увидела, как проворачиваются гигантские колеса машины по созданию образа, легенды, репутации... А еще уяснила, насколько сильна и опасна эта машина. Конечно, в свои десять лет я ничего не поняла умом, но получила блестящий урок, который впитала кожей. Несколько милостивых упоминаний в колонке Хоппер, и меня взяли на MGM. Небольшая, но знаковая роль Присциллы в фильме «Леси, вернись домой». Сказался мой английский акцент. Здесь я была хорошей, благовоспитанной девочкой, играла любительницу собак, а потому на студии понравилась, и со мной заключили договор до восемнадцати лет! На сей раз мама никого не шантажировала и согласилась на семьдесят пять долларов в неделю.

Немного расскажу о MGM, чтобы было понятно, почему даже от десятилетних девочек строжайше требовали соответствия образу. Просто без рассказа о студии невозможен рассказ о моем детстве, оно проходило в съемочных павильонах.

В те годы, когда я только начинала свою карьеру, MGM была самой успешной финансовой кинокомпанией Америки, да и всего мира, а ее глава Луис Барт Майер самым высокооплачиваемым генеральным директором. Они с главой Совета директоров компании Джо Шенком жили как кошка с собакой, но Майер все же сумел сказать свое слово в кинематографии, пока не был уволен со своего поста.

У Луиса Майера была своя концепция кино и жизни вообще. Он считал, что фильмы должны пропагандировать истинные ценности, патриотизм, и выдавал фильмы, больше похожие на сказки, даже если они о современности. Долгие годы это нравилось зрителям, которым в трудные годы Великого кризиса очень хотелось хоть на экране видеть красивую жизнь красивых людей, в которой проблемы решались как по волшебству и всегда был хеппи-энд.

Самыми лучшими актерами для подобных картин оказывались, конечно, дети, потому юных звездочек студия по требованию Майера опекала особо. За годы, пока он руководил студией, выросло целое поколение звезд, кого-то просто нашли уже готовым, а кого-то воспитали, как меня, с малых лет.

К Луису Майеру актеры и вообще работники студии относились по-разному, большинство считали его невыносимым грубияном и настоящим жмотом. Этого у Майера не отнять! Получая по миллиону долларов собственной зарплаты, он стремился платить актерам минимум, а если кому-то и удавалось выбить из него стоящую зарплату, то случалось это за закрытыми дверями, хотя думаю, ничего особенного там не происходило. Майер щедро платил тем, кого любил, и очень неохотно остальным. Мне это категорически не нравилось.

Но надо отдать должное Л.Б., как мы иногда называли Майера, он носился с актерским составом, как курица со своими цыплятами. Мы становились собственностью MGM, но и студия опекала нас во всем, частенько за нас решая, как нам не только выглядеть, но и жить, чувствовать, думать, выходить замуж, кого любить...

Майер сумел создать на MGM то, что не скоро скопировали другие – отдел по связям с прессой. Вот у этого отдела мы и находились в полной зависимости. Что можно и чего нельзя носить, как разговаривать, с кем дружить, что отвечать на вопросы прессы, что любить и чем интересоваться... все решал рекламный отдел. Многие стонали и зарабатывали бесконечные немалые штрафы, но только не я. Привыкшая во всем подчиняться маме, слушать каждое ее слово и внимать ее советам, я и к советам отдела относилась серьезно и с пониманием. До поры, конечно.

Хорошая девочка с удовольствием играла хорошую девочку...

Мама определила меня в класс драматического искусства и в класс вокала, ее куда меньше интересовали мои успехи в арифметике («деньги считать ты и так научишься») или географии, чем в умении красиво улыбаться или петь. Правильно ли это? Да, правильно! Я до сих пор предпочитаю считать с помощью калькулятора, только свою выгоду или убытки прикидываю в уме. До сих пор пишу с ошибками и не сразу могу вспомнить, где находится тот или иной город, если там не бывала. Это не помешало мне играть так, чтобы получить «Оскара». Я ничуть не хвастаю недостатком своего образования, напротив, всегда сокрушалась этому и завидовала тем, кто учился в университете. Но приходилось выбирать – либо карьера, либо учеба.

Тогда за меня скорее выбрала мама, она так старательно проталкивала меня вперед, что сопротивляться было глупо, да и не хотелось.

Законы США защищали детей-актеров куда больше, чем взрослых, это правильно. По закону родители обязаны отчислять половину моего заработка на специальный счет, которым можно пользоваться только по достижении двадцати одного года. Кроме того, нас обязаны обучать не менее трех часов ежедневно по школьным предметам. Майер настоял на открытии школы на студии, но ее здание из красного кирпича редко бывало заполнено, бегать на уроки через всю территорию студии никому не хотелось, чаще учителя приходили прямо на съемочную площадку и занимались с нами в уголке. Разве это были уроки? Четверть часа в перерыве между съемками, кое-что наспех, и тут же снова за роль, снова на площадку.

Взрослые умели легко входить в роль и выходить из нее, мы нет, и «выныривать» из состояния, например, умирающей от чахотки девочки, чтобы посчитать дроби, а потом снова начинать надсадно кашлять, очень-очень трудно. Дети должны заниматься чем-то одним – либо сниматься, либо быть детьми!

Вот почему я лучше многих других представляю твое состояние, Майкл, когда ты рассказываешь, как завидовал мальчишкам, которым было позволено играть в саду, бегать и кричать вволю. У нас не было детства!

А потом продюсеры и режиссеры удивлялись, что у меня слишком взрослые глаза, с чего бы им быть детскими. Зато сейчас детские! Вот так – все наоборот. И у Майкла тоже (а не могу добавить «были», он есть и будет!). Наверняка противный Башир в детстве лазил по деревьям и играл в мяч, а мы работали. Бартон как-то рассказывал о тяжелой работе детей на шахтах Уэльса, я тогда вздохнула:

– У меня было не легче.

Один из немногих случаев, когда Ричард согласился со мной сразу, просто он если и не играл детские роли в кино сам, то видел маленьких актеров и понимал, чего они лишаются ради успеха в кино.

Да еще будет ли этот успех!

Сколько девочек и мальчиков, безумно талантливых и красивых, не стали актрисами и актерами, не получили взрослых ролей или не смогли их играть. Дело не в звездной болезни, как твердит пресса, просто переход от детских ролей к взрослым для большинства очень болезнен, не все выживают как актеры. Я выжила, но об этом потом.

После успеха фильма «National Velvet», где я играла заглавную роль девочки Вельвет, выдавшей себя за жокея ради того, чтобы суметь тренироваться и победить со своей лошадкой на скачках, я почувствовала, что стала звездой!

Я не знаю, кто боится Вирджинии Вульф, но меня бояться все! И бояться давно, я почти с детства приучила себя опасаться. Все просто, еще девочкой во время съемок я уяснила разницу в обращении с простыми актерами и со звездами и решила, что должна стать звездой. А сыграв роль Вельвет, решила, что уже звезда! Плохо это или хорошо, не знаю, но без ощущения своей

звездности с малых лет я бы была не я и едва ли вынесла все испытания, которые приготовила жизнь.

Меня не раз упрекали, что многие общенациональные политические события проходили мимо меня. Но, во-первых, покажите мне нормальную четырнадцатилетнюю красивую девушку, которая интересовалась бы политикой. Во-вторых, мы жили очень замкнуто, хотя все время на виду. Школа прямо на съемочной площадке, разговоры только о роли и фильме, заботы только о том, чтобы сыграть как можно лучше и выглядеть тоже. Прошло очень много времени, прежде чем я стала серьезно задумываться над этими вопросами.

И еще одно, Майкл, не знаю как ты, а мне все время хотелось, чтобы меня одобряли, хвалили, мной восхищались. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что заставляло все время держать себя в форме, а плохо, так как бесконечно продолжаться не могло.

Считается, что самый сложный период у человека подростковый, когда не нравится все и хочется все отрицать. И мне хотелось! А тут еще известность. После роли Вельвет меня стали узнавать на улицах, просить автографы, а после активного (снова результат маминой заботы) участия в рекламе и вовсе бросаться навстречу. Мама сумела организовать для меня несколько фотографий для рекламы мыла, потом косметики, потом выпустили картонную куклу с моим лицом, пригласили участвовать в радиопередаче...

Я играла всякую ерунду в довольно пустых фильмах, которые в те годы пользовались популярностью. К тринадцатому дню рождения студия преподнесла мне два роскошных подарка, во-первых, мне подарили ту самую лошадь, с которой мы снимались в «Вельвет», во-вторых, пятнадцать тысяч долларов! Как тут не заболеть звездной болезнью? Кажется, на студии понимали, что без «звездной» болезни звезды не бывает. Временами мне просто помогали капризничать!

В фильме «Цинтия» я играла больную девочку, родители которой замучили ребенка своей заботой о ее здоровье. Я, никогда до тех пор особенно не обращавшая внимание на разные хвори и не имевшая их, стала укладываться в постель по любому поводу.

Нашлись идиоты, заявлявшие, что я поступаю так и до сих пор, мол, при малейшем недомогании тут же вызываю неотложную помощь!

Если залитая кровью ванная, опухоль в мозгу размером с теннисный мяч, сломанный позвоночник, трахеотомия гортани, аппендицит, спинальный менингит, тяжелейшие пневмонии, кесарево, клинические смерти, замена тазобедренных суставов или рак кожи (и еще множество прочей гадости) – это просто недомогание, то что же тогда болезни? Покажите мне человека, который болел больше и серьезней меня, и при этом еще жив, и я встану перед ним на колени, которые, правда, давно не гнутся.

Но болячки определенно начались именно с того возраста, причем часто из-за несчастных случаев. На съемках шутили, что если я возьмусь открывать банку с пивом, то обязательно раскрою себе крышкой вену и пролежу неделю под капельницей из-за потери крови. Если серьезно, то все, что могло проломиться, не выдерживало именно подо мной, все, что могло попасть в лицо, в горло, по голове, обязательно метило именно в мою голову.

Большой армейский вентилятор, гнавший воздух для изображения ветра при езде в автомобиле, подхватил мелкую металлическую стружку тоньше иголки. Куда она влетела? На всей площадке не нашлось другого места, кроме моего глаза! Пришлось вмешиваться хирургам, чтобы я не осталась циклопом. Жалко было бы потерять такой красивый глаз...

Его спасли, как еще десятки раз спасали меня и потом. Пожалуй, я в равной степени порождение Бога, мамы с папой и врачей...

Вскрыть горло, которое вдруг перестало дышать... Это называется трахеотомией и оставляет шрам на том месте, где была вставлена металлическая канюля, такая фистула, которую требовалось прикрывать пальцем, желая что-то произнести, иначе из горла вырывался только свист. А еще, когда захочешь что-то выпить или съесть, в противном случае все норовило

через эту канюлю вылиться. Приятно? Не слишком. Большинство моих колее изготовлены так, чтобы шрам прикрыть.

К тому же была угроза потери голоса или того, что он останется хриплым. Нежная, чистенькая барышня с хриплым вульгарным голосом? Нет уж, лучше немая, так элегантней. В результате я победила все – голос, и вполне приличный, остался со мной.

Конечно, сделав нам рекламу и превратив в звездочек, MGM заботилась о нашей внешности, особенно это касалось моей, потому что прыщ у звездочки, ампула которой «соседская девчонка» или «сорванец», это не катастрофа, а вот на лице чистенькой, ухоженной «маминой дочки» с приличным воспитанием – трагедия. Любой чих – проблема, покраснение кожи от солнца – повод для беспокойства, а уж юношеские угри и вовсе катастрофа. К маминим наставлениям и заботам по поводу всегдашней ухоженности прибавились студийные.

Я думаю, звездой я стала в один совершенно определенный момент. Уже не помню, что именно не устроило Луиса Барта Майера, наверное, очередное превышающее пределы разумного требование моей мамы, но Майер накричал на нее. И я в ответ заорала так, что зазвенели стекла в окнах:

– Да пошли вы к черту со своей студией! Пойдем, мама.

Мне было одиннадцать, и я посмела наорать на всесильного Майера. Мама покорно отправилась за мной, потому что после такого даже на коленях прощение не вымолить. В приемной было тихо, как на кладбище, на меня смотрели, словно провожая в последний путь. Нагрубить Майеру значило вычеркнуть себя из списков актрис на веки вечные...

Я шла и ловила улыбки – у кого-то сочувствующие, у кого-то ехидные, у кого-то перепуганные. Кто-то радовался моему поражению, кто-то жалел маму, кто-то боялся, что теперь гнев всесильного босса падет и на них тоже. А мне вдруг стало смешно, стоит ли работать, вот так, боясь каждого шороха?

Знаешь, что сделал Луис Майер? Ни-че-го! Он молча проглотил мое хамство. И дело не в том, что я наорала в ответ, не в том, что была права, и не таких обламывали и заставляли умолять на коленях, Майер просто почувствовал мою собственную силу. Уже тогда я была готова работать, не жалея себя, но уже тогда знала, что унижать себя или маму не позволю. Я звезда, и то, что пока не имела не только «Оскара», но и приличных ролей с упоминанием в титрах – временное явление.

Майер не уволил меня, хотя прекрасно понимал, что нашу ссору слышали многие. Он проглотил, я стала примадонной.

Когда через пару дней мама осознала, что нас не вышвырнули со студии, даже она начала поглядывать на меня иначе, не говоря уже о студийных работниках.

Студия решала за нас все, в том числе и кого любить тоже, вернее, за кого выходить замуж.

Вот этой проблемы у тебя не было точно, я не замужество имею в виду, а подчинение Фирме в личных вопросах в юности. Здесь сплетаются сразу две проблемы, первая, что публика не желает разделять публичную и личную жизнь звезды, искренне считая себя вправе ожидать определенных поступков и в самых личных вопросах. На эту тему написано множество статей и даже книг, сказано немыслимое количество слов, но это закон популярности, еще никому не удавалось оставаться инкогнито, будучи кинозвездой.

А я не хотела скрывать свою личную жизнь! Я замечательная? Конечно, так почему бы не сделать мою замечательную звездную жизнь достоянием публики? Через много лет я пожинала плоды собственной неосмотрительности, меня это задевало мало, я привыкла, а вот многим

рядом со мной мешало. Не каждый способен вынести истерический восторг фанатов и папарацци, особенно если этот восторг предназначен не тебе самому.

Возможно, поэтому умные мужчины стараются держаться подальше от звезд экрана. Мужчине тяжелее вынести излишнее внимание к жене и вторую роль для себя. В пятнадцать этого не понимаешь, кажется, если о тебе написали, что ты самая красивая, все мужчины на улице и в студии должны выстелить тротуары своими телами, грохнувшись к твоим ногам. Однако этого не наблюдалось. Да, мне улыбались, приветственно махали рукой, признавали красавицей, и никто, представляешь, никто не спешил позвать замуж! О том, что замуж в пятнадцать рановато, я почему-то не думала, я ведь выглядела взрослой и уже играла взрослые роли.

Мне очень хотелось как можно скорее повзрослеть, причем это взросление означало непременно наличие мужа и поклонников мужчин. Есть разные типы девочек, которых тянет к мужчинам. Одни интуитивно, в силу своей физиологии рано расцветают и нуждаются в поцелуях, объятиях и прочем уже в подростковом возрасте. Для них чувственные поцелуи куда дороже всеобщего внимания, а горячие объятия – любой репутации.

Я иная, для меня тоже важны и поцелуи, и объятия, но не сами по себе, а только с любимым мужчиной. Другое дело, что таковых могло быть много, но никогда не бывало несколько одновременно. Я всегда влюблялась по уши и норовила выйти замуж. Да-да, я старалась выходить замуж за тех, кого любила, а меня за это называли блудницей! Неужели лучше спать со всеми, кто подвернется или наставлять мужу рога только потому, что влюбилась в другого? Нет, если любишь – должен быть брак! И если мужчина любит тебя, то он полюбит и твоих детей тоже.

В Голливуде чувственность была просто разлита в самом воздухе. Когда ты то и дело видишь потрясающих красавиц-кинозвезд, вдыхаешь волнующий запах их духов, слышишь смех... так хочется и самой быть такой красавицей, так же пахнуть и вызывать восхищенные взгляды мужчин.

Мне очень хотелось, я так старалась быть похожей на звезд! Красила ногти алым лаком, каждый вечер накручивала волосы на папильотки, носила одежду, пользовалась помадой, держала спину прямо, выпячивая и без того заметную уже грудь, сверх меры пользовалась туалетной водой и стреляла глазками.

Но если бы только это! Подростковый возраст у всех не подарок, а если ты мнишь себя звездой, особенно. Мама не могла со мной справиться, тем более я научилась при ней держать себя как пай-девочка. Зато в ее отсутствие ругалась, словно старый извозчик. Наверное, у любого человека бывает возраст, когда развязное поведение кажется почти героическим. Окажись подле меня более внимательный наставник или попади я сама в другие условия, я осталась бы благовоспитанной девушкой, но такова моя судьба, ничего не изменишь. При внешней ухоженности и благовоспитанности я стала вести себя довольно развязно.

Помню, чтобы отучить нас ругаться неприличными словами, кто-то придумал систему штрафов – по доллару за каждое ругательство. Помогало плохо.

– Пошел он в задницу!

– Ах, Элизабет, ты сказала неприличное слово на букву «з». С тебя доллар.

– Возьми пять, чтобы я могла выругаться еще четыре раза.

Иногда я думаю, что если бы моему сквернословию не уделяли столько внимания, оно само собой сошло бы на нет, потому что запретный плод всегда слаще, даже если это лимон или лайм, а не клубника. Но что получилось, то получилось, я стала одной из знаменитых голливудских матерщинниц. Конечно, я не ругаюсь где попало и как попало, прекрасно понимая ситуацию и дистанцию, никогда не распускаю язык там, где нельзя. Но уже если можно... матерюсь от души!

Почему мама меньше всего обращала внимание на такие «мелочи», непонятно, зато она уделяла много времени и сил моему имиджу. Стоило какому-то репортеру произнести фразу, что я самая хорошенькая из всех присутствующих, как на следующий день в еженедельной колонке светских сплетен Хедды Хоппер уже возвещалось, что, по мнению прессы, актриса Элизабет Тейлор самая красивая девушка в мире! Никто не задал вопрос, что это за пресса, все просто приняли к сведению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.